

Бисенкулов М.К.

**Чокан и Олжас:
к проблеме гипертекстового
пространства**

В статье рассматриваются глубинные связи творчества О. Сүлейменова с прошлым. Чем крупнее художник слова, тем шире гипертекстовое пространство его творчества, т.е. связь с разными эпохами, фактами, личностями. В этом смысле понятие «гипертекстовое пространство» близко по значению континууму. Понятие гипертекстового пространства рассмотрено на примере творчества О. Сүлейменова.

Ключевые слова: реминисценция, трансформация текста, текстуальная близость, информационная насыщенность текста.

Bissenkulov M.K.

**Chokan and Olzhas: to the
problem of hypertext space**

In the article deep connections of work of O. of Сүлейменова are examined with the past. What larger writer, the wider hypertext space of his work, i.e. connection with different epochs, facts, personalities. Concept hypertext space close by value to the continuum. The concept of hypertext space is considered on the example of O. Suleymenov's work.

Key words: reminiscence, transformation of text, textual closeness, informative saturation of text.

Бисенқұлов М.Қ.

**Шоқан мен Олжас:
гипермәтіндік
кеңістік мәселесі**

Бұл мақалада О. Сүлейменов шығармашылығының өткен ғасырлармен байланысы қарастырылды. Ірі жазушырадың шығармашылығы өткен-кеткен замандармен, оқиғалармен, тұлғалармен терең байланысы бар. Сондықтан гипермәтіндік кеңістік ұғымының мағынасы континуумға жақын. Мақалада гипермәтіндік кеңістік ұғымы О. Сүлейменовтың шығармашылығы негізінде қарастырылған.

Түйін сөздер: реминисценция, мәтін трансформациясы, мәтіндердің жақындығы, мәтіннің ақпараттық толығы.

ЧОКАН И ОЛЖАС: К ПРОБЛЕМЕ ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Олжас Сулейменов в своем многомерном творчестве часто обращается к прошлому: философии Востока, истории древнего Шумера, литературе Древней Руси, поэзии казахских акынов и жырау, наследию Абая, Махамбета, Чокана. Информационной насыщенностью отличается признание поэта: «Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!.. Я согласен быть Буддой, Сэсю и язычником Савлом!..» [1]. Такие признания указывают на место поэта в истории: для него не существует привычных границ – пространственных и временных. Гипертекстовое пространство творчества О. Сулейменова объединяет разные эпохи, судьбы в единый мир. Довольно часты в творчестве О. Сулейменова реминисценции с Ч. Валихановым. Любопытно проследить эту особенность на примере отдельных произведений поэта.

Предки,
В бою поддержите меня под мышки.
Одинокое дерево не обойду.
Я повешу аркан
На кривом суку.
Я не первым
В последнем бою упаду.
Кто не знает мою золотую саку?
Вон звезда сорвалась,
Голова моя клонится ниже,
Клятву верности женщине дав,
Я целую ладонь.
ни сову, ни ворону, ни лебедя
Не обижу.
Аурах!
Укажи мне дорогу на Балатон ... –

так, несколько загадочно, начинается стихотворение О. Сулейменова «Песня кумана» [1, 109]. Смысл этих поэтических строк не сразу доходит до сознания современного читателя, а может и не дойти, если читатель не знаком с древними традициями, обрядами, обычаями, верованиями казахов. Для того, чтобы прояснить подтекст «Песни кумана», можно обратиться к работе Ч. Валиханова «Тенкри (бог)» [2], как это сделал в своё время Мурат Ауэзов [3].

Выпишем некоторые сведения, содержащиеся в указанной работе Ч.Ч. Валиханова: «Арвах – дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, говоря :»аруахи, держите меня за руку и поддерживайте подмышки» и приносят в жертву ...», «Звезды почитают душами людей, если видят падение звезд, то говорят: «моя звездочка стоит еще!», «Дерево, одиноко растущие в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит в жертвы животных или же навязывает гриву лошадей», «Не стреляют лебедей... называют его царем птиц. Не бьют сову, филина, дятла, кокарга (синяя ворона) и кукушку...».

Комментируя «Песню кумана», Мурат Ауэзов замечает: «Символика стихов О. Сулейменова (построенная по принципу прямого соответствия предмета, события по условному обозначению и в этом смысле родственная кольцу иносказания в национальной литературной традиции) поддается прочтению, обнаруживая за условной усложненностью формы предельную искренность поэта и четкую определенность его позиции».

Действительно, смысл стихотворения Олжаса становится прозрачным после усвоения информации Чокана. «Песня кумана», насыщенная информацией о прошлых обычаях казахов, становится своего рода поэтической клятвой на верность своему народу, выражением гражданского кредо поэта. Вспоминается аналогичное по смыслу высказывание Олжаса: «Возвысить степь, не унижая горы», то есть возвысить свою культуру, не унижая чужие. Не случайно «Песня кумана» построена как клятва, с использованием ряда глаголов первого лица единственного лица настоящего времени: *не обойду, повешу, упаду, целую, не обижу...* В результате возникает интонация заклинания, создается атмосфера древности, колорит степи, дыхание истории. Трансформация текста Ч. Валиханова в «Песне кумана» прослеживается четко и однозначно.

На основе другой записи, сделанной Чоканом [2, 201-208], Олжас создает стихотворение «Выборы» [4, 99-100]. Любопытно сопоставить тексты Ч. Валиханова и О. Сулейменова:

Ч. Валиханов: «Карабатыр говорит:

Если хочешь, то буду говорить я и скажу тебе, Урак: 1. О далеких маджид и торкоманах и грузинах; 2. Глубоко лежащих башкирцах; 3. Высокобашенной Москве; 4. Мохнаторотых

русских; 5. Хохлатоголовых калмыках; 6. Дикоговорящих чурчутах – я одному себе обратил. Если ты неверный, – стрелы обращаю, муслим, – душу мою к тебе располагаю. Когда мне было 12 лет, стрел-бегунцами владел, десять тысяч рати я был голова. 18 лет когда мне было (подобно Булаю, сыну Есена, подобно Джолоаю, сыну Эсеке), имя Карабатыра повсюду пустил и славил: подобно баранам после доения, заставил бляеть (и тогда) беспечно лежащего Урака, под пояс пнувши, разбудил; Сын Алия Урак! Когда и где будучи со мной был равен?

Ответ Урака:

Я, если хочешь, скажу, Карабатыр, тебе, скажу я твой корень и происхождение скажу. Ты был из города Машакр, выбежавший единодомный выходец (сарт). Отец твой был простой человек, хоть давшего был слуга, мать твоя была простая бедная женщина и рабыня всякого, давшего деньги. Каракула мой без холки, не в теле и молодец без скота – богатства. Но божия милость велика, день божия дает мне богатство, – неизвестно. Если (захочет) поищет, мирзе, подобному Ураку, вражие табуны найдутся. У моего Каракула холка горсть, грознородившемуся Ураку. Раба Матрушки сын через скот свой сравнялся. Сын богача на богача похож, на невязанного жеребенка похож, раба сын на раба схож, на собаку с отрезанными ушами схож. После этого дня этот праздник твой на драку собак схож...» [2, 206-207].

О. Сулейменов:

«Говори, Кара-батыр!

Если хочешь, скажу я тебе, Урак,
о маньчжурах, ногайцах хохлатоголовых,
о башкирах, о русских мохнаторотых,
о туркменах, грузинах в далеких горах,
о китайцах, не знающих вдохновенья,
о великих народах, умеющих плакать, -
всех, подобно овцам после доеня,
заставил я бляеть во имя аллаха.
Если ты мусульманин, братайся со мной,
а неверный – из вен твоих выпущу гной,
мое имя ураном клокочет в степи,
сотни тысяч джигитов водил я в бой.
Меня знает сайгак, и орел, и змея!
Меня знают на небе и выше!
Сын Алия, Урак, кто не знает меня?
Только я о тебе не слышал!

Говори, Урак-батыр!

Что ж, скажу, если хочешь, Кара-батыр.
Я прошел по дороге великой твоей:
у туркмен я спросил, у грузин я спросил,
я в далеких лесах у башкир побывал,
я у русских в прекрасной Москве побывал,

у поляков я в тесных полях бывал,
я с маньчжурами дикими, воевал,
у Литвы я спросил, у болгар я спросил,
у племен я признания вырывал.
Кто не знает тебя? Кто не знает, что ты –
Сын раба! Внук раба! И отец рабов!
Ты, презренный, ты землю когда-то пахал.
Жеребец Каракул похудел подо мной,
Жеребец Каракул благородней тебя,
хочешь, я оседлаю тебя на бой?
Нет кобылы такой в степях!
Оседлаю, ударю тебя по бокам,
повалю, опозорю, как жирную бабу!
Сын волка, хоть и тощ, но похож на волка,
Сын собаки, хоть толст, но похож на собаку!
С отрезанными ушами.

Предание говорит, что в этом споре победил Урак-батыр» [4, 99-100].

Текстуальная близость записей Чокана Валиханова и строк Олжаса Сулейменова налицо: совпадают образы, эпитеты, сравнения и другие тропы, использованные в обоих случаях. У Валиханова: *мохнаторотых* русских, у Сулейменова: о русских *мохнаторотых*; у Чокана: *хохлатоголовых* калмыках, у Сулейменова: *ногайцах хохлатоголовых*; у Валиханова: раба сын на раба схож, *на собаку с отрезанными ушами* схож, у Сулейменова: сын собаки, хоть и толст, но похож *на собаку с отрезанными ушами*.

В то же время текст Чокана трансформируется в соответствии с замыслом Олжаса. О. Сулейменов домысливает Чокана, включает в свое стихотворение целые фрагменты, отсутствующие в записи Ч. Валиханова, но созвучные оригиналу по общей тональности, обогащающие текст XIX века: «Если ты мусульманин, братайся со мной, а неверный – из вен твоих выпущу гной; «мое имя ураном клокочет в степи», «меня знает сайгак, и орел, и змея». Наиболее далек от записи Чокана ответ Урака, победу которому отдает не Чокан, а Олжас спустя столетие.

В статье «Тенкри (бог)» Ч. Валиханов объясняет значение слов *айналмак*, *айналайын*, *айналайын қарағым*, *айналайын шырағым* [2, 211]. О. Сулейменов создает стихотворение «Айналайын», в котором наполняет древнее слово новым, социальным содержанием. Стихотворение завершается следующими знаменательными строками:

Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам твоим... [1, 151].

Ключом к постижению подтекста этого стихотворения для современного читателя служит информация Чокана: «Есть жертва круговая – *айналмак*, жертва три раза обходит существо, для которого люди это делают. Так, схватывая птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все мое несчастье и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят *айналайн* – обойду вокруг. Нежная мать говорит любимому сыну: *айналайн шырағым* (зрачок), *шырағым* (светильник), т.е. обойду вокруг, зрачок, светильник мой» [2, 211].

Любопытно признание Леонида Мартынова: «Но все же нашелся человек, который объяснил мне и значение слова «айналайн», и еще многое другое. Это Олжас. Олжас Сулейменов» [5].

Ч. Валиханов дал этимологию слова *айналайын*. О. Сулейменов, основываясь на чокановском объяснении слова, расширил его семантическое поле. В его трактовке слово *айналайын* становится выражением позиции Поэта: не личные мелкие чувства, а болезни Земли, проблемы человечества должны волновать подлинного поэта. И, пытаясь закрепить за старым словом новый смысл, Олжас обыгрывает древний обряд, описанный Чоканом: «я кочую, кружусь по дорогам твоим» – это тот же самый *айналмак*, та же жертва, о которой пишет Ч. Валиханов, но жертва во имя всех живущих на земле.

Чокан жил в тяжелое время. «Это было время, когда умирали Пушкины и Лермонтовы и процветали бенкендорфы всех мастей. Время, когда официально отменялось крепостное право во имя еще большего распространения рабства по всей плоскости Российской империи. Время, когда лучшие люди, вспыхнув ненадолго, сгорали в «безумном веселии». Рушились романтические иллюзии, светлые головы, воспринявшие с кровью предков идеи избранничества, кончали свои дни в кабаках, в сумасшедших палатах и в серых стенах серых домов, которых по Руси было великое множество», – пишет О. Сулейменов [6].

Несмотря на тяжелое время, Чокан за свои неполные 30 лет сделал для казахского народа многое. Об этом пишет С. Марков в своем посвящении Чокану:

Чужая жизнь – безжалостней моей -
Зовет меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана! [7].

Таким образом, личность Ч. Валиханова занимает большое место в гипертекстовом пространстве творчества О. Сулейменова. На это указывают: использование имени Чокана в стихотворных и публицистических текстах; пря-

мое обращение О. Сулейменова к записям Ч. Валиханова; трансформация научных трудов Ч. Валиханова в поэзии О. Сулейменова; текстуальная близость отдельных произведений О. Сулейменова с записями Ч. Валиханова.

Литература

- 1 Сулейменов О. Определение берега. – Алма-Ата: Жазушы, 1979. – С. 54.
- 2 Валиханов Ч. Тенкри (бог). – Собр. соч. в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция КСЭ, 1984. – С. 208-216.
- 3 Ауэзов М. Времен связующая нить. Литературно-критические этюды. – Алма-Ата: Жазушы, 1972. – С. 115-116.
- 4 Сулейменов О. Повторя в полдень. – Алма-Ата: Жазушы, 1973. – С. 99-100.
- 5 Мартынов Л. Вместо предисловия. – В кн.: Сулейменов О. Определение берега. – С. 6.
- 6 Сулейменов О. Мой Чокан. – В кн.: Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы, Аз и Я. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 15.
- 7 Марков С. Идущие к вершинам. – М.: Советский писатель, 1968. – С. 6.

References

- 1 Sulejmenov O. Opredelenie berega. – Alma-Ata: Zhazushy, 1979. – S. 54.
- 2 Valihanov Ch. Tenkri (bog). – Sobr. soch. v pjati tomah. Tom 1. – Alma-Ata: Glavnaja redakcija KSJe, 1984. – S. 208-216.
- 3 Aujezov M. Vremen svjazujushhaja nit'. Literaturno-kriticheskie jetjudy. – Alma-Ata: Zhazushy, 1972. – S. 115-116.
- 4 Sulejmenov O. Povtorjaja v polden'. – Alma-Ata: Zhazushy, 1973. – S. 99-100.
- 5 Martynov L. Vmesto predislovija. – V kn.: Sulejmenov O. Opredelenie berega. – S. 6.
- 6 Sulejmenov O. Moj Chokan. – V kn.: Sulejmenov O. Jesse, publicistika. Stihy, pojemy, Az i Ja. – Alma-Ata: Zhaly, 1989. – S. 15.
- 7 Markov S. Idushhie k vershinam. – M.: Sovetskij pisatel', 1968. – S. 6.